

БЕССМЕРТНА СЛАВА НИЗАМИ...

Среди величайших имен мировой культуры вот уже восемь веков сверкает имя азербайджанского поэта Низами Гянджеви. С огромной гордостью мы говорим сегодня о том, что его знает все прогрессивное человечество. Пройдя сквозь годы и грозы времени вместе со своими героями, он и сейчас живет рядом с нами в своей бессмертной поэзии. Мы ощущаем глубину и мощь его личности в духовных поисках Меджнуна и в вечной преданности Лейли, в мудрости Искендера и мужестве Бахрам-шаха, в трудном прозрении Хосрова и удивительной любви Ширин.

Мне выпало счастье переводить с фарсидского языка «Сокровищницу тайн», и, закончив эту работу, я еще яснее стал понимать, что главным в жизни Низами была борьба за человека. Она, как радуга, прошла через все его произведения, объединив их идеей самоценности человека. Человек, по Низами, — самое прекрасное украшение мироздания, подлинная его жемчужина. Современному звучат написанные восемь веков назад строки, сложенные во имя человеческого достоинства, прославляющие могущества разума:

Не будь у тебя благородства ума,
Забыла б тебя даже память сама.

Низами видел, что человек, способный подняться даже выше звезд, доведен существовавшим тогда общественным строем до плачевного состояния, унижен, забит. Вместо того, чтобы обрести крылья, он ползает и пытается. Вместо того, чтобы быть свободным и гордым, он остается пораженным и беспомощным. Передавая свое отношение к такому строю в иносказательной форме, поэт в то же время прямо говорит о том, что мешает человеку стать Человеком. Он клеймит алчность, корысть, тщеславие. Ведя борьбу за лучшее в людях, он не перекладывает вину за их недостатки на плечи судьбы или каких-то мифических сил. Он призывает на помощь силы самого человека и, в первую очередь, его разум.

Постоянная борьба между разумом и невежеством, гуманизмом и бесчеловечностью, между чуткостью и безразличием, щедростью и жадностью находит свое отражение во всех произведениях Низами, особенно в «Сокровищнице тайн». Для Низами не существовало поэзии тех дворовых восхвалителей власти, которые были готовы променять свою лиру на деньги, славу, награды.

Пусть пред теми,
кто служит мечте пустой,
Не сверкают слова
красотой святой.
Мы, познавшие слово,
мы им живем.
Слуги слова, любя его,
мы умрем!
Нет того, кто б возвысился
выше слов.
Во владении слова удел
миров!

Драгоценный рубин, озаряющий тьму, — вот что такое для Низами подлинная поэзия, которая никогда не променяет великое золото слов на жалкое золото монет. Не потому ли и сегодня находим мы в его бессмертных произведениях множество созвучных современности мыслей о жизни и творчестве, о достоинстве и чести, любви и мудрости? Читая сегодня страницы его поэм, собранных в прославленной «Пятерике», мы в лице поэта обретаем умного и тонкого собеседника, имеющего колоссальный жизненный опыт, ощущаем мудрость мыслителя, познающего мир, заряжаемся удивительной энергией и гуманистической силой его гениальной поэзии. Перед нами предстает его преодолевающий трудности герой, который и сегодня захватывает нас своей стойкостью, трудолюбием, благородством, честностью, бескорыстием, гордостью. Человечество постоянно нуждается в таких героях. Низами подарил их нам, раздвинув границы нашей жизни. В «Рассказе о пророке Соломоне и пахаре» («Сокровищница тайн») Низами прославляет честный труд.

Мы сеяли в тучную землю зерно,
И много ль, взгляни,
нам взрастило оно?
А с этой иссохшей —
напрасны труды,
Что, жаждающий,
снимешь с нее без воды?

И в словах пахаря, отвечающего мудрому Соломону, поддерживаются мысли самого Низами:

Ответил старик: «Царь,
прости мой ответ, —
Не думаю, есть ли вода
или нет.
Водою мне, видишь,
мой пот на спине.
Концы моих пальцев —
лопатою мне.
В зерне нам сокрыта
счастливая весть:
Семьсот на одно оно может
принести».

Поэт-мыслитель, интернационалист по духу, он бесконечно любил свой народ и верил в его неиссякаемые силы, в его способность к подвигу. В своих бессмертных произведениях он призывает к справедливости, человечности, человеколюбию. И люди никогда не перестанут испытывать к нему благодарность, дорога к его произведениям никогда не зарастет травой забвения.

Я помню, как несколько лет назад, когда в Азербайджане

проводились Дни советской литературы, у гробницы великого Низами собрались ценители подлинной поэзии, гости из братских республик. Среди них был лауреат Ленинской премии Егор Исаев. Не могу забыть, как этот сильный, высокий человек долго не мог справиться с волнением, оно сжимало ему горло.

— Невозможно стоять спокойно перед храмом Низами, — говорил Егор Исаев. — Здесь само понятие «Поэт» поднимается к недостижимым высотам. Здесь хочется обнять весь Азербайджан за то, что он дал миру Низами, Насими, Хагани, Физули, Сабира!

В числе участников прошедшей недавно Всесоюзной творческой конференции писателей «Братство народов — братство литераторов» приезжал на родину Низами калмыцкий поэт Давид Кутультинов.

— Беспрельдно велика поэзия Низами, — сказал он. — Сколько за 800 лет разрушено городов, сколько высохло рек и рухнуло мостов, но никакое землетрясение не властно над бессмертным творчеством Низами. Он проложил вековой мост, связывающий миллионы людей с высочайшим искусством поэзии. Приятно сознавать, — продолжал Давид Кутультинов, — что и Низами доказал, что он достоин своей Родины, и Азербайджан убеждает нас, что достоин памяти Низами, и свято чтит ее!

В этих словах — большая правда. Работа, которая ведется особенно в последние годы, на родине гениального поэта, похожа на легенду, на чудо. Здесь помолодевшая Гянджа как итог творческой мысли и мастерства архитекторов и садоводов, инженеров и рабочих. И расположенный в мечети Озан прекрасный музей Низами, превращенный в подлинную сокровищницу искусства. И пятифонтанный родник во дворе музея, украшенный именами героинь поэта — Афэг, Ширин, Лейли, Нушабе и Фитнэ. И мемориальный парк, настоящий цветник, разбитый на площади в триста пятьдесят гектаров. И семнадцатиметровый монумент «Дерево жизни», который возвышается в центре парка. И, наконец, театр поэзии Низами, уже согревший наши сердца своими первыми постановками.

Все это, как и современная жизнь нашей республики, видится мне продолжением немеркнущих низаминских строф. И потому из многочисленных записей, оставленных в памятной книге музея и наполненных изумлением и любовью, больше всего западают в душу слова: «Бессмертна слава Низами! Бессмертна культура Азербайджана!»

Халил РЗА,
поэт.